

Е.Д. ЯЦЕНКО,

канд. филос. наук, доцент,

Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля

**К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ЗАКОНОМЕРНОСТИ СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ
И ПРИНЦИП ДЕКОНСТРУКЦИИ**

Каждая историческая эпоха по-своему уникальна и содержательна. Современность же просто изобилует пестрой палитрой мировоззренческих установок, систем ценностей, идеологий, способов производства и потребления различного рода благ. Немудрено растеряться в этих противоположных и зачастую взаимоотрицающих тенденциях. В первую очередь подвержена этой растерянности и индифферентности, безусловно, молодежь. Это закономерно по ряду причин. Во-первых, связь с традицией, передаваемой от более старшего и опытного поколения, в современном континууме духовной культуры просто скомпрометирована, утратила легитимность и право на существование. Сейчас не старшие учат младших, а скорее наоборот, старшие терпеливо сносят поучения молодых (достаточно вспомнить пресловутые мобильные телефоны). Данное явление имеет объективное основание – НТР и все последующее. Качественный скачок в ходе накопления и хранения информации не укладывается в рамки жизни одного поколения, а происходит гораздо чаще и более интенсивно. Поэтому знание, которое старшее поколение могло бы передать молодым в современной техногенной культуре, оказывается невостребованным, с «истекшим сроком годности». Во-вторых, сама психология моло-

дежи как возрастной группы своим основанием имеет некий бунт против традиции, отрицание и преодоление ее. Подобная закономерность, по сути, служит основой развития, становления и прогресса культуры, ее самоизменения и трансформации. Поэтому вывод о том, что для молодежи столь сложно, сколь и важно решение проблемы смысложизненных ориентиров и стратегий, едва ли претендует на некую новизну, а скорее банален и избит. Однако последняя характеристика нисколько не снимает актуальности и злободневности поставленного вопроса. Совершенно необоснованно упрекают современную молодежь в безнравственности, необразованности, инертности и безответственности. Апокалиптические настроения, вызванные падением нравов среди молодежи, зафиксированы еще в древнеегипетских папирусах, как известно. Ситуация изменилась кардинально, понятное дело, оценка ее осталась той же. Так, может быть, причина не в самой молодежи, не в конкретной возрастной группе людей, которые живут неправильно и нарушают размеренную жизнь более зрелого поколения? Сама закономерность смены поколений зиждется на принципе овладения некой культурной нормой, а затем расширения ее содержания и впоследствии преодоления. Данная проблематика может быть представлена в свете противоречия параноидального и шизоидного атрибутов человеческой психики. Руйнация устоявшихся и принятых в культуре норм в современной философской терминологии получила название деконструкции. Техника деконструкции предполагает аналитическую процедуру дискурсивного членения целостности какого угодно порядка до элементарных смысловых единиц, вследствие которой первоначально заданная целостность утрачивает легитимность, а из полученных атомарных единиц значения путем последующего синтеза возможно образование совершенно иной, существенно отличной целостности, что указывает на произвольный, относительный характер любой нормы или принципа, организующего индивидуальную или социальную жизнь. Среди различных направлений деконструктивизма одним из наиболее содержательных, основательных и концептуальных является так называемый шизоанализ, представленный в имевшей огромный резонанс книге Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения». Следуя технике деконструкции, авторы подвергают последовательной критике два основных мировоззренческих кон-

цепта, определяющих фактическое мироотношение усредненного индивида к повседневной действительности, – фрейдизм и марксизм. По мнению авторов, предложенная З. Фрейдом интерпретация бессознательного является еще одним мощным инструментом подавления жизненной энергии и творческого порыва единичного индивида. У З. Фрейда индивидуальность приносится в жертву колективизации, стандартизации и нормы. Задача психоанализа, столь популярного среди прогрессивного, образованного молодого поколения, заключается, по сути, в сдерживании, локализации и подавлении тех жизненных сил, которые служат источником какой бы то ни было активности. Процедура заключается в перепрограммировании хаотического шизоидного потока бессознательного в контролируемый, параноидально-депрессивный синдром. Классический психоанализ превращает субъекта в жалкое, плачущее, беспомощное существо, уложенное на кушетку «всепонимающего и сострадающего» психоаналитика, способное лишь безудержно и самозабвенно горевать о тяготах и лишениях своей повседневной жизни. К тому же предлагается самое необходимое в этой ситуации – безошибочно и точно определены виновники всех жизненных неудач, огорчений и разочарований. Конечно же, это родители. Достаточно удобная позиция, следует отметить. Во-первых, «родителей не выбирают». Следовательно, воспринимать их следует как некое стихийное бедствие, неизбежное по своей природе, а потому с ними остается только смириться. Во-вторых, возложить всю ответственность за психологическое состояние субъекта на плечи родителей гораздо более безопасно, нежели указывать недостатки определенных социальных институтов, идеологии и чего-либо другого. На сей счет авторы книги высказывают интересную мысль о том, что общество для людей, и люди для людей – это иллюзия. В переводе на разговорный язык это означает «никто никому ничего не должен». В случае психоанализа видим наглядный пример реализации принципа «бегства от свободы», предложенного Э. Фроммом. Индивид находит резонные, научные основания для отказа от собственной свободы и ответственности за свои действия и результаты этих действий, переадресуя ответственность на родителей как субъектов, некогда ограничивающих его личную свободу. О позитивных сторонах ограничения этой свободы в психоанализе речь не идет, хотя этот момент служит фундаментальным

основанием сохранения жизни ребенка и превращения его во взрослую самостоятельную личность. Безусловно, здесь имеет место проблема определения пределов и границ этой опеки и заботы. Однако сам факт того, что родители наиболее массово, содержательно и последовательно «инвестируют» становление и развитие индивида, не рассчитывая на возврат инвестиций в виде прибыли (в классическом понимании этих терминов), является чистым примером альтруизма. Уместно упомянуть расхожую фразу «добро наказуемо», как инициатива и прочие позитивные факторы. Следовательно, в качестве обвиняемых избраны те, кто ответный иск не подаст никогда, инвестированные капиталовложения спишет и не потребует возврата и компенсации, и возникает ситуация когда всем «удобно». Однако у столь схематично упорядоченной ситуации есть один существенный недостаток. Заключается он в принципиальной невозможности завершения психоаналитического лечения субъекта. Не вдаваясь в пространные рассуждения, можно сделать простой вывод о том, что данная методика просто не работает. Лечение, которое снимает симптомы, но не устраняет причину их возникновения, является неэффективным. Поэтому трактовка бессознательного как символического театра античной трагедии, предложенная З. Фрейдом, не отражает существо проблемы, а только выступает в качестве действующего механизма депрессивного подавления и отчуждения индивида. По мнению апологетов шизоанализа, человек не беспомощное и жалкое существо, даже в условиях тоталитарной системы капитализма. Капитализм как система социального устройства в глубинной основе своей и есть шизофрения. Ведь в капиталистическом обществе успешными, т.е. состоятельными являются не выдающиеся ученые, а люди со средним показателем в уровне развития интеллекта, причем склонные к авантюризму, не зацикленные на понятиях норм и правил. Одним словом, не параноики.

Шизоанализ предлагает свою концепцию понимания природы бессознательного. Осуществляя постмодернистские игровые аллюзии классического марксизма, авторы именуют бессознательное как «нечто, производящее желание», или «желающее производство». В их понимании желание не есть акт установления некоей нехватки, недостаточности или отсутствия чего-либо. Желание – это сила созидания, мощный энергетический импульс, направлен-

ный на окружающий мир в виде деятельности индивида. Желание – это та точка опоры, с помощью которой индивид способен перевернуть мир. Именно желание является той производительной силой, способной создать «социальное поле в его экономических, исторических, расовых, культурных и иных феноменах». Социум есть фактически та сфера, в которой желание достигает своей максимальной реализации. Давно состоялась в философии мысль о том, что человек есть существо диалогическое, определяет свое бытие в направленности к бытию Другого. Без референции со стороны Другого невозможно постулировать значение и значимость желания как такового. Поэтому предположить иной горизонт экзистенциального осуществления желания не представляется возможным. Как следствие такого понимания бессознательного конструируются естественные связи индивида с внешним миром и другими людьми. По мнению авторов, бессознательное требует не интерпретации, а признания факта своего существования. Свободно мыслящий, не депрессивно-параноидальный субъект, безусловно, выпадает из матрицы кодированных потоков значений и ценностей, продуцируемых обществом. В глазах так называемой общественности данный акт рассматривается как бунт, девиантное поведение, патология. Декодированный субъект сознательно подвергает деструкции каноны и нормы социума как симулятивные ограничители «производящего желания». Данная деятельность направлена не только на асоциальные, революционные акции, сколько на процедуру центрирования и сборки собственной субъективности. Или, другими словами, произвольной и нестандартной самоидентификации. Самоидентификации именно потому, что воздействие на идентификацию других индивидов рассматривается как репрессивная мера подавления самостоятельного и свободного инвестирования желания в социальной среде. Другими словами, утопия спасения масс и прекрасной участи героя осталась в далеком прошлом. «Современные» индивиды, так или иначе, понимают, что в ответе они только лишь за самих себя, ну еще максимум за тех, кого приручили. А лозунги и призывы сделать людей счастливыми вопреки их воле уже давно никого не впечатляют. (Заметим, что частные исключения все же возможны.)

В представлениях шизоанализа, и с ними трудно не согласиться, субъективность на современном этапе философской реф-

лексии не может предполагать наличие некоего единого доминантного центра для самоидентификации и постулировать необходимость существования какого-то трансцендентного источника для самоопределения и обоснования предустановленного порядка организации духовного мира индивида. Личность децентрирована, разорвана и фрагментарна. Возникает эта ситуация ввиду воздействия на индивида в ходе формирования этой самой субъективности массы различного рода факторов, не только человеческого общества, но и машинных, технологических, экономических, идеологических и прочих. Субъективность представляется своего рода мозаикой, коллективным собиральным образом, несущим в себе отпечаток всестороннего взаимодействия человека с окружающим миром. Содержание и принцип связи семантических единиц данного коллектического поля, что представляет собой субъективность, безусловно, отражает тип культуры и общественной практики, в которую погружен индивид. Сама работа мышления, психики или субъективности наиболее адекватным образом может быть представлена в виде операционной системы, или машины, в авторской терминологии Ф. Гваттари. Информатизация общества, переход от индустрии к цифре детерминирует подобные процессы трансформации и в человеческой психике. Человеческая субъективность не может существовать изолированно от тех информационных потоков, которые продуцирует общество. Причем характер накопления, хранения и использования информации с помощью технических средств также является конститутивным для формирования субъективности. Человек оказывается включен в работу множества механизмов и машин, сам при этом оценивается как производительная сила, т.е. как механизм, причем далеко не самый совершенный (такие иллюзии также остались в старом добром прошлом). К тому же зачастую функция человека заключается в обслуживании работы механизма, гордо именуемой сервисом. Потрясающий сдвиг в приоритетном соотношении ценностей. Здесь следует обратить внимание на еще одно обстоятельство. Любой механизм в сфере производства гораздо более эффективен, нежели человек, по той простой причине, что машина работает строго по заложенной в ее устройстве программе, норме, алгоритму. Гораздо более высокая точность, мощность и продуктивность производительности. Человеку достичь такого же уровня производительности.

сти труда очень сложно, ведь он, как известно, существование свободное, способное творить по любой мерке и произвольно устанавливать нормы. То есть в сравнении с механизмом человек как единица производительности труда явно проигрывает. Ну как тут не впасть в депрессию и не стать пааноиком? Ведь в человеческой субъективности фундаментально заложена неискоренимая уверенность в собственной уникальности. На сей счет в истории философии существует очень давняя и богатая традиция.

С ростом количества и значения информации в современном обществе наблюдается также противоречивая тенденция в характере ее эксплуатации. Во-первых, уровень развития современного общества гарантирует фактически равный доступ всех граждан к имеющейся информации. Но, во-вторых, лишь мизерная часть населения участвует в производстве этой информации, подавляющее большинство ее лишь пассивно и фрагментарно потребляет. Отсюда и возникают различные депрессивные синдромы, лежащие в основе всеобщего духовного застоя и разочарованности. Глобальная ошибка заключается в том, указывает Ф. Гваттари, что механизм, машина неосознанно наделяется атрибутами субъективности. Отсюда страх, боязнь машин, фантазмы по поводу восстания машин против человека и т.д. Любая машина не есть носитель субъективности, в отличие от человека. Машина воплощает сверхразвитые и гиперконцентрированные аспекты человеческой субъективности. Свойством целостного отражения и переживания мира, а также его превышения и преодоления, машина не владеет. А потому стратегию взаимоотношений человека и машины необходимо строить на принципах тесного взаимодействия с учетом известного паритета.

Своего рода машинный характер субъективности был присущ каждой исторической эпохе. Однако современная информатизация вносит свои корректизы в этот процесс. Ведь субъективность рассматривается как процессуальность, а не как единожды возникшая и неизменная данность. Ф. Гваттари называет следующие существенные признаки субъективности информационного типа: 1) средства массовой информации и телекоммуникаций стремятся к «удвоению» устных и письменных высказываний; 2) естественное сырье уступает место искусственным материалам; 3) новые микропроцессоры позволяют сократить время производ-

ства субъективности; 4) развитие биоинженерии открывает перспективу преобразования жизненных форм и условий жизни на планете. Все эти технологии усиливают системы отчуждения и политику оглупления, индифферентности масс. Терминами шизоанализа утверждается превращение капитализмом экзистенциальных территорий в товар. Примером тому может служить обилие мыльных опер, различных реалити-шоу, таких как «Дом-2» и т.д. на современном телевидении. Таким образом, многогранная человеческая субъективность трансформируется в «безграничную пустоту в субъективности», «машинное одиночество», изолированность и отчуждение субъекта, т.е. симуляцию субъективности. Решение и позитивный выход из сложившейся ситуации Ф. Гваттари видит в постинформационной эпохе, основой которой послужит творческая самоидентификация, не сдерживающая потоки желания, а предполагающая способность свободного и сознательного выбора пути реализации этого желания. Автор доказывает наличие подобных тенденций в Японии, Бразилии, Италии. Насколько они состоятельны или утопичны – вопрос достаточно спорный. Однако у индивида всегда есть возможность реализовать, а следовательно, и преобразовать собственную субъективность. Такой сферой свободы для человека является творчество, эстетика. Не напрасно одной из наиболее обсуждаемых проблем современного гуманитарного знания является феномен эстетизации культуры, повседневности. Человек свободен разрушить стереотипы, вырваться из усредняющего потока воздействия СМИ. Понятие субъективности на современном этапе необходимо предполагает расширение своего содержания. Субъективность не сводится отныне к индивидуальности. Человек не рассматривается как сугубо автономное существо, отдельное от социума в целом. Социальная среда, в которой происходит становление индивида, выступает мощнейшим фактором детерминации субъективности. И в этом процессе огромную роль играет тот круг общения, который складывается именно в период молодости. Сильная личность способна изменить ход истории, а уж повлиять на течение жизни отдельного человека тем более. Действительно, роль социального контекста в становлении субъективности сложно переоценить. Так или иначе, информационный поток, транслируемый социумом, фиксируется в субъек-

тивности, оседает и наслаивается в глубинных пластах бессознательного.

Ф. Гваттари различает четыре плана бессознательного: бессознательное субъективное, материальное, территориальное, машинное. Любая типология, конечно же, условна, однако позволяет производить некие дискурсивные операции. Субъективное бессознательное есть выразительный уровень человеческой психики. В этом срезе происходит кристаллизация субъективности на основе языковой, лингвистической конструкции. Это работа упорядочивания, означивания, констатации смыслов. В выразительном плане бессознательного происходит конструирование того семантического универсума, в котором находит свое место субъективность.

Второй план бессознательного выполняет, по сути, синтаксические функции. Если семантика первого уровня именует процессы и явления, устанавливает метки для ориентации и опознавания, дифференциации предметов, то второй уровень предполагает установку и легитимизацию принципа связи между отдельными семантическими единицами. Работа этого уровня может быть охарактеризована как «шизопроцесс». Известно, что принцип связи отдельных элементов в конечном итоге презентует то целое, с которым способно оперировать сознание. Следовательно, этот уровень бессознательного, материальный (не в смысле субстанциальности, а в качестве производительности), есть источник человеческой свободы, творчества, самоидентификации и интерпретации мира. Субъективности действительно присуща способность автономно устанавливать приоритеты, выбирать стратегии поведения и деятельности индивида, его мироотношение. И здесь человек может поступить как параноик – принять тот характер и принцип связи семантических единиц, что продуцируется общественной идеологией, а значит, отказаться от своей свободы и превратиться в усредненного гражданина, человека толпы, без имени и выдающихся качеств. Либо устанавливать свои акценты и логические ударения, и тогда это действительно «шизопроцесс». Однако индивид рискует быть непонятым обществом, не принятым, его мировоззрение рискует быть оценено как патологическое, со всеми вытекающими последствиями. Однако именно нестандартно мыслящие люди и способны влиять на ход истории.

Территориальное бессознательное выполняет своего рода амортизационную, стабилизирующую функцию. Территориальное бессознательное – это область складывания псевдоличности, псевдодождественности «я». Эта процедура необходима для того, чтобы шизодный, индивидуализированный, уникальный и оригинальный срез субъективности стал понятен в той или иной мере общественности. Это своего рода пункт обмена валют, где нечто трансформируется в иное, вернее, предстает в эквиваленте иного, по сути, оставаясь самим собой. Одной из наиболее серьезных проблем, над решением которой работает психологическая наука, является противоречие, несовпадение между тем, каков человек есть на самом деле, и каким он хочет казаться, быть представлен и оценен в глазах окружающих. Это и есть феномен психики, бессознательного, названный Ф. Гваттари терроризацией. Терроризация это процедура сознательного и стратегического продуцирования стабильности, фундаментальности, основательности. Иначе говоря, мои шизоидные потоки могут создать такое невиданное сокровище, которое способно всю цивилизацию перепрограммировать на иной лад. Однако сокровище это глубоко зарыто в моем подсознательном, и даже если я четко понимаю и осознаю все его содержание и величие, то для других это тайна за семью печатями и совершенно не онтологически представленный предмет. Для других людей этого просто не существует. Чтобы поделиться этим сокровищем, передать его смысл социуму, в психике атрибутивно должна присутствовать некая инстанция, цензор, которая дает четкое представление о том, каким образом достичь понимания. Это оплот коллективизма в бессознательном, а также основа взаимопонимания и коммуникации.

Машинное бессознательное диаметрально противоположно по своей природе. Этот срез бессознательного представляет собой пространство возможностей; гармония, стабильность и равновесие чужды машинному бессознательному. Это наиболее базисный, глубинный пласт бессознательного, сфера чистых потенций и магматическое ядро энергии, активности, деятельности. Это «производственная мощь» человеческой психики, исток демиургического начала.

Предложенные Ф. Гваттари планы бессознательного принципиально не поддаются иерархии, структурации и взаимному

опосредованию. Базирующиеся на различных основаниях, эти пласти бессознательного органично сплетены, едины, составляют целостный конгломерат субъективности. Основным понятием, с помощью которого возможно описание функционирования бессознательного в шизоанализе, является деятельность. Приведенные выше различные уровни бессознательного специфическим образом представлены в деятельности. Действие есть тот горизонт, в котором объединяются субъективность и прагматика, т.е. субъективность получает возможность своей реализации, объективизации только в ходе определенной деятельности.

Субъективность, о чём уже шла речь выше, не дана изначально как некая целостность. Субъективность скорее является результатом взаимодействия указанных планов бессознательного. Поэтому апологеты шизоанализа отрицают возможность производства субъективности на уровне индивида. В качестве наиболее мощного производителя субъективности в современном мире они указывают капитализм. Действительно, определенный порядок общественных отношений детерминирует формирование субъективности заданного типа. Массовое производство требует наличия стандартизированной производительной силы. Субъективность в данном случае рассматривается как определенная операциональная программа, заложенная и отформатированная социумом. Отсюда Ф. Гваттари предлагает различать два плана деятельности: целенаправленный и машинный. Целенаправленная деятельность основана на классическом понимании желания как нехватки, отсутствия предмета желания, а следовательно, такая деятельность направлена на устранение этого недостатка. Данный вид деятельности предельно рационализирован, замкнут в различные интерпретационные схемы и препарирован в виде структуры. Однако указанные аналитические процедуры, предлагая детализированный дискурс феномена деятельности, вполне закономерно утрачивают целостность изучаемого объекта. Машинный план деятельности не предполагает какого-либо установочного исходного объяснительного принципа. Более того, пребывает вне пространственно-временных или энергетических координат. Этому плану деятельности не присущи дуализм и каузальность. По аналогии: искусство ради искусства, творчество ради творчества, производство ради производства, «производство желания» ради самой жизни.

В ходе этой деятельности не осуществляются гносеологические и эпистемологические акты. Сущность характеризуется текучестью, динамичностью, самореференцией. Данный план деятельности не предполагает познания мира, это процесс «включенности» в мир, предельного осознания принадлежности миру. Машинный план деятельности не нацелен на результат как логическое завершение. К примеру, игра как особый вид деятельности свою ценность содержит в процессуальности, а не результативности. Также машина работает потому, что это ее исходная характеристика. С определенной долей условности можно сказать, что машина живет тогда, когда работает, и в этом смысле существует. Человеку необходимо делать только то, что направлено на определенный результат. Деятельность ценна сама по себе. Неумение петь, как правило, не останавливает любителей караоке, фанатов и материального благосостояния тоже не прибавляет. Однако по итогам социального опроса, проведенного в Китае, большая часть населения страны наиболее гениальным изобретением человечества в XX в. назвала именно караоке. Капитализм, безусловно, культивирует целеправленный, целерациональный аспект деятельности как основы производства. Машинный аспект деятельности вносит элемент форс-мажора, невозможности контроля и прогнозирования направленности деятельности. С точки зрения капитализма это работа вхолостую, или убыток. Следовательно, машинное измерение деятельности позиционируется в качестве маргинального, несущественного.

Производство субъективности, по мнению Ф. Гваттари, является едва ли не основным занятием капитализма. Субъективность всегда, так или иначе, продуцировалась социумом, однако в современности этот процесс принимает характер индустрии. Практически все аспекты субъективности несут в себе матрицу социальной детерминации, от морально-нравственной ориентации до профессиональной компетентности. Это дает право автору утверждать тоталитарное, деструктивное воздействие социума на индивида. Индивид внедрен в общественное машинное производство, обречен действовать по строго установленной норме. Нарушение нормы расценивается как преступление: нравственное, уголовное, какое угодно. А субъективность необходимо содержать в себе элемент хаоса, дисгармонии, деструкции. Поэтому вполне логично,

что в решении проблемы субъективности Ф. Гваттари применяет получившую широкую известность теорию хаоса. Главной проблемой в данном исследовательском поле автор определяет противоречие между четкой дискурсивностью языка и недискурсивным, хаотичным характером человеческого восприятия. Хаос является, по сути, противоположностью любой дискурсивности. Однако именно хаос воплощает потенциальное, возможное, имплицитно содержит порядок любого типа организации. Поэтому, утверждает Ф. Гваттари, хаос не является принципиально недискурсивным. Его природа такова, что не предполагает иерархии и структуры, но именно из диффузного состояния элементов и возможно создание какой-либо целостности. Хаос не есть полное небытие, или отсутствие. Хаос – это набор смысловых, либо индифферентных, единиц без предустановленного объединяющего принципа связи. То есть хаос – это неразличение. Следовательно, хаос и порядок – отдельные бифуркационные моменты существования, о чем достаточно основательно свидетельствуют как современная физика, так и исследования в области гуманитарных наук.

От порядка до хаоса «рукой подать», т.е. понятие нормы весьма динамично и неустойчиво, критерий между нормой и патологией весьма условен и неоднозначен. Субъективность в сущностном основании не является равновесной системой, человеческая психика не может быть сугубо нормальной. Патология, сумасшествие, находит отражение в повседневности. С целью фиксации этого факта шизоанализ использует термин «хаосмос», производный от хаоса (беспорядка) и космоса (гармонии). Однако употребление понятия «хаосмос» не преследует цель легитимизации роста энтропии. Цель заключается в концептуальной фиксации ненормативного, нестандартного, хаотичного как неотъемлемого атрибута мироздания. Хаосмос и есть исходная точка, через призму которой возможно понимание природы субъективного. Отсюда шизоанализ постулирует необходимость не приведения хаоса к порядку, как это имело место в психоанализе, а принятие хаоса как некоей производительной силы, конгломерата желаний.

Основные позиции шизоанализа, при всей их революционной неоднозначности и постмодернистской иронии, граничащей с цинизмом, актуализируют действительно чрезвычайно важную проблематику жизнедеятельности современного общества. В воз-

растной психологии существует понятие «кризиса среднего возраста». На определенном этапе своей жизни, фактически на пике возможностей производительности и работоспособности, у человека вдруг «включается программа перезагрузки». Без видимых онтологических предпосылок индивид внезапно подвергает тотальному сомнению организованный и четко сформированный порядок течения своей жизни. Результаты достигнутых целей, некогда позиционированных в качестве приоритетных, внезапно утрачивают свою ценность и значение. Это процесс растерянности, фрустрации личности. Психология описывает данное явление как достаточно четко локализованное в темпоральном отношении, т.е. скоротекущее. Однако складывается впечатление, что все молодое, прогрессивное поколение пребывает в этом состоянии едва ли не хронически. Молодых людей, которые совершенно твердо уверены в правильности выбранной ими стратегии жизнедеятельности, среди подавляющего большинства населения чрезвычайно мало. Выражаясь в духе античных философов, можно сказать, что «человек утратил свое место в мире», или, словами экзистенциалистов, «алиби в Бытии». Объективность и жесткая детерминация природного мира, изумлявшая некогда человека, кажется простой и доброй сказкой в сравнении с монументальностью и ризомным характером символической реальности, которой человек опутал сам себя, и уже не знает, как этого не делать. Отдельные личности не желают мириться с таким положением дел, они, внимая призыву Ж.-Ж. Руссо, бегут «назад к природе». Такие течения популярны по всему миру, в том числе во Франции, России, Украине и т.д. Однако бегство от социума нисколько не способствует разрешению присущих ему проблем. Создание качественно иной социальной организации не исключает возможности в дальнейшем образования тех же патогенных обстоятельств. Почему патогенных? Из координат: жизнь – норма, препятствие жизни – патология. В СМИ как-то случайно промелькнула информация о том, что наиболее стрессогенным фактором, влияющим на интенсивность возникновения несчастных случаев, ДТП, в том числе с летальным исходом, является чрезмерная занятость людей на производстве. Другими словами, если однажды труд сделал из обезьяны человека, то на нынешнем этапе труд человека убивает. Предельно точно об этом пишет Ж. Бодрийяр в книге «Символический обмен и

смерть»: «Человек обречен умереть, чтобы стать производительной силой». Идеология современного общества основана и пропитана на каждой ступени иерархии своей реализации духом марксистского «Капитала». В глазах современников сверкают не звезды, а отблески нулей в сумме банковского счета. И давно в современном обществе нет классовой борьбы, ибо она давно проиграна. Остается признать, что человек проиграл капиталу. Для бедных капитал как морковка для ослика – основной стимул деятельности, точка пересечения основных интересов, основной смысл жизни – денотат. Для богатых капитал – сизифов камень: тяжелый, требующий постоянного внимания и заботы, и опять-таки – самое главное в жизни. Однако есть в социальной среде люди безразличные к капиталу. Имеются в виду не идеальные сподвижники, свободные художники или стоическая интеллигенция в лучшем смысле этого слова. Все они достаточно тесно включены в капиталистические отношения. Революционеров всегда кто-то спонсирует, а коммерциализация искусства – тема давно избитая, достаточно упомянуть феномен маркированного пространства, являющийся определяющим для вынесения оценки о художественной ценности. И все-таки есть люди безразличные к капиталу. Они не стремятся его накопить, они не заняты систематически в сфере производства, они не являются собственниками капитала. Утратившие надежду на благополучие, отказавшиеся от борьбы. Люмпены современности – бомжи. В каждом большом и не только городе их достаточно большое количество. Взглянув на них, становится ясно, к чему ведет бунт против капитала. Этот фактор страха действует, пожалуй, эффективнее любых силовых структур.

Следует обратить внимание, насколько прочно в нашей повседневной речи укоренились идиомы именно с экономическим подтекстом. На языке терминов экономики мы можем говорить о чем угодно: от политики и искусства до любви и смерти. Достаточно обширное проблемное поле и достойное внимания ученых-филологов. Следует здесь упомянуть позицию М. Хайдеггера: «Язык – это дом Бытия». В языке собирается целостный смысл мироздания, и звучит он только в человеке. Следовательно, человек как носитель субъективности сам способен организовывать то бытийственное пространство, в котором разворачивается его экзистенция.

Силой, способной сбросить иго капитала, Ж. Делёз и Ф. Гваттари называют «шизо»: фундаментальный пласт бессознательного, атрибутивное качество субъективности, командный пункт «машины желания». Безусловно, правы авторы в интерпретации желания как основы активности, деятельности, преобразования. Но производство, на наш взгляд, это редукционизм в понимании субъективности. Сам термин противоречит основной идеи их концепции: зацикленность на конкретном конечном результате деятельности, коим является производство, есть феномен параноидального начала. «Шизо» не есть целерациональная деятельность, это процесс самоактуализации, самовыражения, ценный в своем становлении. Банальный пример: шопоголики, важен не результат деятельности – покупка конкретной вещи, а процесс приобретения, овладения вещью, а не дальнейшее использование. Кстати, аналогичное поведение мужчин по отношению к женщинам в современной культуре все более легитимизируется, оценивается как уместное и приемлемое. Ремарка не к вопросу «кто виноват и что делать». Вывод другой. Во-первых, женщина как предмет символического обмена утрачивает ценностную специфику. По-видимому, предложение все же превышает спрос. Во-вторых, подобное обесценивание существенных аспектов человеческой жизни весьма способствует укреплению ценности и значения капитала. Как ни крути, а любовь, семья, дети едва ли способствуют производительности труда. Все это скорее отвлекает от «карьеры», но все это обладает непреходящей ценностью, а значит, делает человека счастливым. Капитал не интересует счастье, его интересует стабильность, порядок и труд. Понятия, явно противоречащие эмоциональной стороне жизни личности.

Так почему шизоанализ, расставляя акценты подобным образом, все же апеллирует к производству? Мировоззрение типа «я маленькая лошадка, но стою очень много денег» формируется в виде влияния коллективного, социального порядка на становление субъективности. Не может субъективность быть исключительно автономной. Неоднократно этот тезис был доказан, и не только шизоанализом. Поэтому понятие предзаданности, предназначенности человека к производству, а следовательно, и культивирования потребления – «асте», на которых зиждется капитализм.

Производство, безусловно, предполагает потребление. О современном обществе потребления написано немало в философии постмодернизма и не только. Культивирование потребления есть не менее деструктивное воздействие капитализма на личность, нежели производство. Нисколько не ставя целью доказательство коммунистических идей, осмелимся утверждать, что фанатичное потребление, симулятивное (от «симулякру») по своей сути, является показателем «загнивания» капитализма. Разработаны массы приемов визуализации и вербализации желаемого образа, философия успеха и позитивная психология, различные методики манипуляции сознанием и т.д. И все это для утверждения собственного «эго», для самоидентификации через обладание, капитал. Но разве достоинство человека заключается в его имуществе, а боеспособность армии в истории определялась по богатству «обоза» с провиантом, следующего за ней? Так ли много, и что именно нужно человеку, чтобы ощущать «полноту Бытия»? Умение довольствоваться малым – это, пожалуй, сложнее, нежели одобряемое обществом тщеславие. Дабы не увязнуть в пространных теоретических конструкциях, для наиболее адекватного раскрытия предлагаемой точки зрения приведем пример жизни конкретной исторической персоналии. Довольно известная личность в истории российской и украинской культуры – Г.С. Сковорода. По сведениям его биографов, мыслитель в быту был чрезвычайно скромен. Он был вегетарианцем, носил скромную одежду, жил в помещении Харьковского коллегиума, в котором преподавал. Зарплату, предусмотренную за преподавание, он на руки не получал. Ее передавали непосредственно в какую-то из больниц г. Харькова. Каждый день он встречал рассвет и провожал закат солнца. А еще ходил в бедные районы города и помогал людям: воды принести, дров наколоть, мусор убрать и т.д. Меню, предлагаемое философу, едва ли отличалось изысканностью. Развлекая любомуудрою беседой более состоятельных граждан (а подобных приглашений всегда было в избытке), бытовые условия можно было бы значительно улучшить. Наоборот, мыслитель жил по принципу, который написан на его могильной плите: «Мир ловил меня, но не поймал». Мир как противоположность сакральному, священному. Г. Сковорода отказывался от многих выгодных предложений: должность чиновника, музыканта при царском дворе, женитьба на богатой невесте. По

его словам, все это чуждо природе человека, искажает его сущность и делает несчастным, порабощает. Это сети, паутина, которая сковывает человека и не дает ему свободно дышать. А можно ли жить иначе? Пример Г. Сковороды демонстрирует реализацию этой возможности. Однако, как известно, исключение только подтверждает правило.

Истинное достоинство человека, наиболее верный путь смысложизненной ориентации заключается в сознательном ограничении эгоистических проявлений субъективности. В заключение хотелось бы привести цитату главного героя из произведения «Сиддхартха» Г. Гессе, определяющего свои главные достоинства так: «Я умею думать, поститься и ждать». Герой многому научился, внимая голосу бегущей тысячелетиями реки. Может, и нам следует прислушаться?..

Литература

1. *Бодрійяр Ж.* Символічний обмін і смерть. – Львів: Кальварія, 2004. – 376.
2. *Дьяков А.В.* Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности / Науч. ред. Колесников А.С. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2006. – 246 с.
3. *Попович М.В.* Григорій Сковорода: Філософія свободи. – К.: Майстерня Білецьких, 2007. – 256 с.
4. *Gesce Г. Сиддхартха.* – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 224 с.